

Глобальные трансформации: тенденции к росту неустойчивости и драйверы устойчивого развития в современных условиях

Си Фуюань

Соискатель, SPIN-код РИНЦ: [9584-0880](#), ORCID: [0000-0003-1352-4375](#), xifuyuan@mail.ru

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Бобылева Алла Зиновьевна¹

Доктор экономических наук, SPIN-код РИНЦ: [4458-3264](#), ORCID: [0000-0002-4383-0608](#), bobyleva@spa.msu.ru

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Барабошкина Анастасия Валерьевна

Кандидат экономических наук, SPIN-код РИНЦ: [6031-2390](#), ORCID: [0000-0002-2948-5940](#), baraboshkinaav@my.msu.ru

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Происходящие глобальные трансформации, высокая турбулентность мировых процессов ставят под вопрос устойчивость развития большинства стран, делают необходимым выявление факторов, ведущих к неустойчивости, и поиск драйверов устойчивого развития в новых условиях. Проведенное исследование позволило определить, что тенденции к росту неустойчивости преимущественно определяются процессами деглобализации, господством идей максимизации производства и потребления, усилением социального неравенства, неравномерным распределением ресурсов между экологической, социальной, экономической составляющими устойчивого развития, нарушением человеком законов развития биосферы, недостаточностью мер по охране окружающей среды, последствиями кризисов последних лет, международными конфликтами, недостатками управления. Рассмотренные факторы роста неустойчивости, усиление их влияния и связанные с этим риски обусловили постановку новой задачи: определить, что может быть драйвером устойчивости в современных сложных условиях. Исследование показало, что к положительным импульсам для устойчивого развития следует отнести: распространение идей и шаги к реализации зеленой экономики; установление конкретных сроков достижения целевых ориентиров по устойчивому развитию многими государствами; развитие технологического суверенитета стран на основе зеленого мировоззрения; реализация концепции устойчивого развития не только правительствами, но и на микроуровне — промышленными предприятиями; появление новых финансовых инструментов, в частности зеленых и социальных облигаций, для привлечения капитала и инвестирования в проекты с экологическими и социальными преимуществами; успехи в таксономии зеленых финансов. Важным результатом исследования является вывод о том, что, несмотря на возможность торможения в отдельные периоды, устойчивое развитие является долгосрочным трендом функционирования нашей цивилизации и дальнейшие исследования должны быть направлены на совершенствование управленческих решений для его поддержки в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова

Устойчивое развитие, факторы роста неустойчивости, драйверы устойчивости, глобализация, деглобализация.

Для цитирования

Си Фуюань, Бобылева А.З., Барабошкина А.В. Глобальные трансформации: тенденции к росту неустойчивости и драйверы устойчивого развития в современных условиях // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 90–101. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-90-101

Global Transformations: Trends towards Increasing Instability and Sustainable Development Drivers in Current Situation

Xi Fuyuan

PhD applicant, ORCID: [0000-0003-1352-4375](#), xifuyuan@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Alla Z. Bobyleva²

DSc (Economics), ORCID: [0000-0002-4383-0608](#), bobyleva@spa.msu.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Anastasiia V. Baraboshkina

PhD, ORCID: [0000-0002-2948-5940](#), baraboshkinaav@my.msu.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

Abstract

The ongoing global transformations and the high turbulence of global processes call into question sustainability of development of most countries, make it necessary to identify factors leading to instability and search for drivers of sustainable development in current situation. The conducted research allowed us to determine that the trends towards increasing instability are mainly determined by the processes of deglobalization, the dominance of maximizing production and consumption ideas, increasing social inequality, uneven distribution of resources between the environmental, social, and economic components of sustainable development, human violation of the laws of biosphere development, insufficient environmental protection measures, the consequences of recent crises, international conflicts, disadvantages of management. The considered factors of instability growth, the strengthening of their influence and the associated risks led to setting a new task: to determine what can be a driver of stability in modern difficult situation. Our study shows that positive impulses for sustainable development include: the dissemination of ideas and steps towards the implementation of the green economy; the establishment of specific deadlines for achieving targets of sustainable development by many countries; the development of technological sovereignty of countries based on a green worldview; the implementation of the concept of sustainable development not only by governments, but also at the micro level — by companies; the emergence of new financial instruments, in particular, green and social bonds to attract capital and invest in projects with environmental and social benefits; advances in the taxonomy of green finance. An important result of the study is the conclusion that despite the possibility of deceleration in certain periods, sustainable development is a long-term trend in the functioning of our civilization and further research should be aimed at improving management decisions to support it in the short and long term.

Keywords

Sustainable development, factors of instability growth, sustainability drivers, globalization, deglobalization.

For citation

Xi Fuyuan, Bobyleva A.Z., Baraboshkina A.V. (2024) Global Transformations: Trends towards Increasing Instability and Sustainable Development Drivers in Current Situation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 90-101. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-90-101

Введение

В начале третьего тысячелетия значительно ускорились процессы глобализации, которые, как правило, предполагают унификацию экономической, политической, социальной и даже духовной жизни населения планеты и национальных моделей развития.

Однако процессы глобализации протекают в условиях высокой турбулентности: волатильности политических решений, сопровождающихся формированием многополярного мира; нестабильности мировой экономики, проявляющейся в колебаниях цен на энергоносители и драгметаллы, скачках цен на акции крупных компаний; разрушении долготетних связей из-за введения санкций против ряда стран; нестабильности курса валют и роста инфляции; обострения социальных и военных конфликтов.

Подобная турбулентность условий развития мировой экономики ставит под вопрос устойчивость развития большинства стран, делает необходимым поиск факторов, обеспечивающих устойчивое развитие в каждой отдельной стране, а также определение угроз и вызовов при взаимодействии стран. С другой стороны, на фоне общей волатильности, проявления признаков деглобализации из-за разрыва ранее устойчивых связей, образования обособленных союзов отдельных групп стран особый интерес представляет выявление возможностей повышения устойчивости.

В этих условиях исследование драйверов роста, выявление направлений, по которым особенно важно взаимодействие дружественных стран, определение общих точек роста с учетом особенностей каждой из стран являются важнейшей геополитической и геоэкономической задачей, требующей своего решения в силу новизны и неурегулированности. Это и предопределило выбор темы исследования.

Степень научной разработанности проблемы

Исследованию проблем глобализации и устойчивого развития посвящено большое количество научных работ. Идейные истоки концепции устойчивого развития содержатся в работах классиков экономической науки: Т. Мальтуса, Р. Солоу, Й. Шумпетера, каждый из которых рассматривал устойчивость и экономический рост по-своему. Т. Мальтус обращал внимание на потенциальный рост бедности при неконтролируемом росте населения [Мальтус 1993],

Р. Солоу посвятил свои исследования факторам роста ВВП, к которым относил рост населения, технический прогресс и инвестиции [Solow 1970], а Й. Шумпетер связывал рост с инновациями [Shumpeter 1911]. Устойчивость рыночной экономики как системы исследовалась Дж. Кейнсом [Keynes 1936], а в становление концепции устойчивого развития в ее наиболее полном виде внесли значимый вклад Д.Л. Медоуз и соавторы [Медоуз и др. 2014] — они были одними из первых, кто связал экономический рост с эколого-экономическими и социальными проблемами.

На современном этапе значительный вклад в развитие концепции устойчивости внесли российские ученые. Так, С.Н. Бобылев и соавторы развили такое направление, как экономика устойчивого развития [Бобылев и др. 2022; Bobylev et al. 2023]; Б.Н. Порфирьев и ряд других ученых посвятили свои исследования социальным и экологическим проблемам устойчивости [Сбережение населения России 2021]; ряд исследователей внес значительный вклад в разработку институциональных основ управления устойчивостью [Институциональная трансформация экономики 2022]; академик В.Л. Макаров разработал математические модели прогнозирования развития устойчивости [Макаров и др. 2023]; В.И. Данилов-Данильян исследовал глобальные климатические изменения во взаимосвязи с состоянием водных ресурсов [Данилов-Данильян 2020].

Тем не менее, несмотря на перманентное освещение различных аспектов устойчивого развития в российской и зарубежной научной литературе, в том числе китайской [Хуе et al. 2018; Sheng et al. 2023], выявлению факторов роста неустойчивости и драйверов устойчивого развития в условиях глобальных трансформаций последних лет уделено недостаточно внимания.

Таким образом, целью нашего исследования является определение факторов, препятствующих устойчивому развитию, и новых драйверов устойчивости в условиях турбулентности внешней среды.

Факторы роста неустойчивости

Как показало наше исследование, реализация концепции устойчивого развития сталкивается с целым рядом факторов, негативно влияющих на возможности достижения целей устойчивого развития (ЦУР) и провоцирующих рост неустойчивости. Рассмотрим основные из них.

1. Учитывая общую экосистему Земли, экономические, технологические и культурные связи между странами, при разработке Концепции устойчивого развития ее авторы справедливо предполагали, что она может быть успешно реализована лишь при включении в процесс большинства стран. Реализация Концепции начиналась в условиях использования преимуществ глобализации (достигались международные договоренности, принимались международные стандарты, формировалась среда для трансграничной деятельности финансового рынка, активизации торговых и инвестиционных потоков). Однако сейчас активно идут процессы деглобализации: страны не могут договориться соблюдать те или иные условия, выходят из уже действующих соглашений, ставят частные интересы своих стран выше решения общемировых проблем. Имеют место вооруженные конфликты, торговые войны, нехватка финансирования устойчивого развития из-за увеличения военных расходов во многих странах. Внесла свой вклад в деглобализацию и пандемия COVID-19, следствием которой явились нарушение логистических связей, снижение миграционных возможностей рабочей силы, рост бедности, ухудшение социальных условий и в конечном итоге замедление выполнения целей устойчивого развития.

2. Несмотря на широкое распространение идей устойчивого развития, в обществе продолжают господствовать идеи максимизации производства и потребления, требующие значительного объема ресурсов, что истощает окружающую среду и наносит ей вред. Ущерб природе и недостаточное внимание к социальным ценностям представляют большую угрозу дальнейшему устойчивому развитию человечества.

3. Несмотря на экономический рост, во многих странах увеличивается социальное неравенство: беднейший слой общества расширяется из-за недостаточных доходов, плохих условий проживания, ограниченного доступа к здравоохранению и образованию. Такое общество не может находить консенсус о социальных и экологических целях.

4. Традиционно устойчивое развитие охватывает три области — экономику и управление, окружающую среду, общество (социальный аспект), но в определениях, представленных различными авторами, упомянутым областям необязательно уделяется равное внимание: акцент делается либо на социальных, либо экономических, либо экологических аспектах устойчивого развития, что приводит к неравномерному распределению ресурсов и в конечном счете замедлению реализации устойчивого развития как целостной концепции.

5. По мнению авторов «Доклада о человеческом развитии 2020 года» (далее — Доклад), человеческое общество нарушает эволюционные пути биосферы, возникающие проблемы нарастают и будут становиться все серьезнее³. Они указывают, что «учащение экстремальных погодных явлений, изменение условий окружающей среды и связанное с этим распространение вредителей и болезней за последние 15 лет, наряду со значительным неравенством в распределении доходов и ресурсов, являются факторами, усиливающими возможность эпидемий»⁴.

6. Стихийные бедствия — одна из основных причин перемещения населения: в 2009–2019 гг. в среднем ежегодно перемещались почти 23 миллиона человек в результате стихийных бедствий. По оценкам ученых, к 2050 году 1 миллиард человек во всем мире может столкнуться с проблемой вынужденного перемещения из-за повышения уровня моря, резкого изменения климата, проч.⁵

7. Недооценка последствий нарушения эволюционных путей развития биосферы приводит к недофинансированию мер по преодолению и смягчению негативных природных явлений. Асимметрию в распределении средств хорошо иллюстрирует следующий пример. Совокупные годовые расходы на маркетинг двух крупных глобальных компаний Amazon и Procter&Gamble в 2019 г. составили 11,16 млрд долларов США, что превышает годовой бюджет Агентства по охране окружающей среды США (8,84 млрд долларов США)⁶.

8. В «Повестке дня на XXI век», принятой в 1992 г., впервые выделен институциональный аспект концепции: подчеркивается важность комплексной системы управления, рассчитанной на долгосрочный период. Ученые отмечают, что успех реализации концепции зависит и от вовлеченности всех уровней исполнительной власти, и от участия общественных организаций и местных сообществ. Однако развитие институтов устойчивого развития отстает от потребностей времени, не в полной мере способствует реализации концепции устойчивости в намеченные сроки.

9. В определенной степени реализацию концепции устойчивого развития сдерживает отсутствие единой теории взаимосвязи роста населения и устойчивости развития. Условно существующие теории можно разделить на оптимистические (рост населения способствует экономическому развитию) [Медоуз и др. 2014] и пессимистические, основанные на утверждениях о том, что запасы невозобновляемых природных ресурсов и капитала фиксированы и что их предложение растет медленнее, чем численность населения [Мальтус 1993].

Несмотря на кажущиеся противоречия, большинство теорий сходятся во мнении, что численность населения ограничена уровнем ресурсов. Однако на практике население мира, в силу исторических, религиозных, культурных особенностей, быстро растет именно в регионах с низкой

³ Доклад о человеческом развитии 2020. С. 52 // UNDP [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020ru.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 60.

⁶ Там же. С. 145.

обеспеченностью ресурсами, что усиливает неустойчивость. Без перехода к зеленой экономике мир не сможет удовлетворить потребности растущего населения без разрушительных последствий для окружающей среды, что в конечном итоге нанесет ущерб мировому экономическому и социальному развитию.

Вышеприведенные факторы, определяющие развитие трендов неустойчивости, носят преимущественно системный характер. Рассмотрим теперь отдельно ряд специфических экологических, экономических и социальных факторов, также усиливающих тренд неустойчивости, затрудняющих реализацию конкретных целей, сформулированных в «Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года»⁷.

Среди экологических факторов следует в первую очередь рассмотреть следующие.

1. Меры борьбы с изменением климата (ЦУР 13) малоэффективны и недостаточны, что может привести к проблемам, связанным с глобальным потеплением. По мнению ученых, темпы сокращения выбросов парниковых газов не соответствуют поставленным задачам⁸. Наблюдаемая концентрация CO₂ в атмосфере стала самой высокой как минимум за последние 800 тыс. лет [Юлкин 2018, 10]. Согласно Парижскому соглашению по климату, принятому в 2015 г., нельзя допустить повышения среднегодовой температуры на планете более чем на 2°C, а лучше на 1,5°C по сравнению с доиндустриальным уровнем⁹. Однако в настоящее время рост средней глобальной температуры уже составил 1,1°C [Международные отношения 2023]. Есть вероятность, что к 2070 году чрезвычайно жаркие зоны, аналогичные Сахаре, покроют почти пятую часть суши¹⁰. Это неизбежно ведет к повышению уровня моря, дальнейшему таянию ледников и вечной мерзлоты, конфликтам за ресурсы.

По мнению российских ученых, существует высокий риск того, что будет упущен переломный момент в будущем, после которого невозможно будет повернуть назад даже при принятии энергичных мер [Россия: тенденции и перспективы развития 2015].

2. Меры, принимаемые для защиты и восстановления экосистем суши, борьбы с опустыниванием, деградацией земель, утратой биоразнообразия (ЦУР 15) в целом недостаточны. Общая площадь лесов мира сократилась: чистые потери лесного покрова составили 100 млн га. В 2015–2019 гг. мир ежегодно терял по меньшей мере 100 млн га здоровых и плодородных земель, что негативно отразилось на продовольственной и водной безопасности. Если деградация земель будет продолжаться такими же темпами, то результатом станут 1,5 млрд га деградировавших земель к 2030 г.¹¹ Глобальный индекс живой планеты (Living Planet Index) показывает снижение численности популяции млекопитающих, рыб, рептилий, птиц и амфибий в среднем на 69% за 1970–2018 гг., наибольший спад в численности произошел у пресноводных (83%)¹². Разрушение природной среды имеет негативные последствия и для здоровья людей. Так, во многих случаях передача зоонозных заболеваний стала прямым следствием разрушения человеком природных экосистем.

3. Недостаточно результативными являются и меры, связанные с сохранением и рациональным использованием океанов, морей и морских ресурсов (ЦУР 14). Океан, крупнейшая

⁷ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения: 13.01.2024); Парижское соглашение // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 13.01.2024).

⁸ ЮНЕП: недостаточный прогресс в борьбе с изменением климата делает срочные преобразования общества единственным вариантом // ЮНЕП [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/press-reliz/yunep-nedostatocnyy-progress-v-borbe-s-izmeneniem-klimata-delaet> (дата обращения: 13.01.2024).

⁹ Парижское соглашение // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 13.11.2023).

¹⁰ Доклад о человеческом развитии 2020. С. 60 // UNDP [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020ru.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).

¹¹ SDG 15 // United Nations [Электронный ресурс]. URL: https://sdgs.un.org/goals/goal15#progress_and_info (дата обращения: 03.02.2024).

¹² Living Planet Report 2022. P. 4 // Living Planet Index [Электронный ресурс]. URL: https://wwflpr.awsassets.panda.org/downloads/lpr_2022_full_report_1.pdf (дата обращения: 03.02.2024).

экосистема в мире, остается под угрозой из-за роста закисления, эвтрофикации, сокращения рыбных запасов и загрязнения пластиком. В настоящее время рН океана в среднем составляет 8,1 — это означает, что океан, по сравнению с доиндустриальным периодом, стал примерно на 30% более закисленным. В 2019 г. более трети мировых запасов рыбы подверглись чрезмерному вылову, что на 1,2% больше, чем в 2017 г.¹³

4. Хотя потребление невозобновляемых источников энергии имеет тенденцию к снижению (ЦУР 7), оно представляется недостаточным. Так, за период с 1990 по 2021 гг. доля ископаемых видов топлива (уголь, нефть, природный газ) в структуре генерации электроэнергии сократилась незначительно: с 63% до 61,5%¹⁴. Уголь продолжает обеспечивать более 35% глобального производства электроэнергии¹⁵, хотя и является самым грязным и углеродоемким видом топлива. Важным фактором, препятствующим сокращению потребления ископаемых видов топлива, является увеличение объемов их субсидирования. Согласно данным Международного валютного фонда (МВФ), в 2022 г. общая сумма субсидий достигла рекордного значения — 7 трлн долл., тогда как в 2015 г. составляла 4,5 трлн долл.¹⁶ Пока будут субсидии, потребление невозобновляемых источников энергии не уменьшится, реализация концепции устойчивого развития будет «буксовать».

5. Проблемой на пути к устойчивому развитию является и чрезмерное использование возобновляемых ресурсов, в частности лесных массивов, воды (ЦУР 6, 14). Так, глобальное водопользование увеличилось в 6 раз за последние 100 лет¹⁷, 80% сточных вод сбрасывается обратно в окружающую среду без очистки¹⁸. Ожидается, что к 2030 году глобальный спрос на воду превысит предложение на 40%¹⁹.

В целом происходящие в настоящее время изменения отражают антропогенное давление в планетарном контексте. Масштаб и скорость, с которой они происходят, слишком велики по отношению к способности биосферы к восстановлению.

Переходя к рассмотрению экономических и социальных факторов, сдерживающих переход к устойчивому развитию, следует отметить следующее.

1. Позитивные экономические достижения последних десятилетий были во многом разрушены пандемией COVID-19: увеличилась доля живущих в крайней нищете людей. В целом в мире пандемия в 2020 г. привела к потере эквивалента 255 миллионов рабочих мест с полной занятостью²⁰. В период пандемии многими государствами были предприняты меры, позволившие поддержать население в самый острый период, однако для преодоления негативных трендов, вызванных COVID-19, и продолжения перехода к устойчивому развитию необходимы эффективные долгосрочные меры.

2. Хотя в годы, предшествовавшие пандемии COVID-19, наблюдались общие положительные тенденции повышения благосостояния, обеспечения продовольственной безопасности и улучшения

¹³ SDG 14 // United Nations [Электронный ресурс]. URL: https://sdgs.un.org/goals/goal14#progress_and_info (дата обращения: 03.02.2024).

¹⁴ Рассчитано авторами по: Energy Statistics Data Browser // IEA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁵ Рассчитано авторами по: Energy Statistics Data Browser // IEA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁶ Fossil Fuel Subsidies Surged to Record \$7 Trillion // IMF [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/08/24/fossil-fuel-subsidies-surged-to-record-7-trillion> (дата обращения: 17.02.2024).

¹⁷ World Water Development Report 2018. P. 10 // United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwater.org/publications/world-water-development-report-2018> (дата обращения: 11.01.2024).

¹⁸ The global assessment report on biodiversity and ecosystem services. P. 28 // IPBES [Электронный ресурс]. URL: https://files.ipbes.net/ipbes-web-prod-public-files/inline/files/ipbes_global_assessment_report_summary_for_policymakers.pdf (дата обращения: 11.01.2024).

¹⁹ Half the World to Face Severe Water Stress by 2030 unless Water Use is “Decoupled” from Economic Growth, Says International Resource Panel // UNEP [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/press-release/half-world-face-severe-water-stress-2030-unless-water-use-decoupled> (дата обращения: 11.01.2024).

²⁰ Uncertain and uneven recovery expected following unprecedented labour market crisis // ILO [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_766949/lang-en/index.htm (дата обращения: 15.01.2024).

питания, экономические последствия кризисов последних лет замедлили эти процессы. По данным «Доклада о человеческом развитии 2020 года», в 2019 году 2 миллиарда человек испытывали нехватку продовольствия, что на 367 миллионов больше, чем в 2014 году. Есть вероятность, что к 2030 году питание 900 миллионов человек будет неполноценным. Эта тенденция затрагивает большую часть населения мира²¹.

3. Продолжает расти экономическая нестабильность, а также концентрация бизнеса. Финансовые рынки по-прежнему не способствуют инвестициям в реальный сектор, создают дополнительную турбулентность. Концентрация бизнеса приводит к стагнации заработной платы, уменьшению числа новых предприятий и конкуренции. Несмотря на публикации ООН²², многочисленные научные работы, органы власти многих стран, в том числе России и Китая, не видят тревожной тенденции к корпоративной концентрации. Однако исследование стратегий крупных компаний автомобильной, горнодобывающей и энергетической отраслей, химической промышленности по всему миру показывает, что они не всегда способствуют проведению последовательной политики охраны окружающей среды.

4. Дисбалансы и зависимость внешней торговли проявляются в разных странах по-разному: для России характерна высокая зависимость от импорта технологий и оборудования²³, для Китая — зависимость от импорта энергоносителей и недостаточного использования возобновляемых видов энергии²⁴. Наличие названных дисбалансов, недостаточность мер стимулирования со стороны государства приводят к усилению трендов неустойчивости.

5. В современных условиях представляется целесообразным рассмотреть не только экономической, социальной, экологической составляющей устойчивости, но и политической: события последних лет показывают, что политические разногласия приводят к международным конфликтам, в том числе военным, ухудшают социальные и экономические условия жизни людей, замедляют решение экологических задач из-за изменения приоритетов, нехватки ресурсов (финансовых и трудовых) и в целом отодвигают переход к устойчивому развитию.

Отмеченные факторы роста неустойчивости, усиление их влияния и связанные с этим риски вынуждают задуматься о драйверах устойчивости в современных условиях: существуют ли они, как могут быть усилены путем адекватного государственного управления, какие меры стимулирования заставят их работать в полную силу.

Драйверы устойчивого развития в современных условиях

По нашему мнению, важнейшими системными драйверами устойчивого развития в современном мире являются следующие.

1. Глобализация, несмотря на указанные выше тенденции к деглобализации, является движущей силой устойчивого развития, создает условия для принятия международных норм и стандартов, формирования конкурентной среды, в которой появляются новые возможности для трансграничной деятельности зеленого финансового рынка, активизации зеленых торговых и инвестиционных потоков и на этой основе повышения качества жизни. Ввиду общей биосферы планеты глобализация является долгосрочным трендом развития нашей цивилизации, несмотря на возможность ее торможения в отдельные периоды развития.

²¹ Доклад о человеческом развитии 2020. С. 56 // UNDP [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020ru.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).

²² Вопросы применения антимонопольного законодательства, возникающие в связи с монополиями // ЮНКТАД [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclpd68_ru.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

²³ Компании оценили свои возможности работать без импортного оборудования. Полностью обойтись без него готово лишь каждое десятое предприятие // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/06/2023/647f17a59a79475842f9f653> (дата обращения: 13.01.2024).

²⁴ Китай в августе потратил на энергоносители из России рекордные \$8,3 млрд // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/477649-kitaj-v-avguste-potratil-na-energonositeli-iz-rossii-rekordnye-8-3-mlrd> (дата обращения: 13.01.2024).

2. Распространение идей и шаги к реализации зеленой экономики уже привели к смене целевых ориентиров развития многих государств: страны разрабатывают стратегии развития, учитывающие зеленые компоненты, принимают национальные нормативно-правовые акты и стандарты, ограничивающие выбросы загрязняющих веществ, способствующие снижению деградации земель, восстановлению экосистем суши и моря, препятствующие утрате биоразнообразия, содействующие сокращению потребления невозобновляемых источников энергии и более широкому использованию возобновляемых (ВИЭ).

3. Затруднение мировых миграционных процессов привело к более энергичным действиям национальных правительств по снижению безработицы и поддержке беднейших слоев населения; нарушения и разрыв международных торговых связей — к импортозамещению и развитию технологического суверенитета на основе зеленого мировоззрения. Национальные правительства стимулируют использование инноваций с минимальным воздействием на окружающую среду, позволяющих обеспечить процесс социального развития общества в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Приведенные факты свидетельствуют о том, что и деглобализация придает новые импульсы устойчивому развитию, может быть его драйвером.

4. Национальные правительства ставят перед собой конкретные цели по переходу к устойчивому развитию и устанавливают конкретные сроки их достижения. Так, Китай объявил, что пик выбросов парниковых газов придется на период до 2030 г., а к 2060 г. страна достигнет углеродной нейтральности²⁵. Россия также ставит перед собой цель достичь баланса между антропогенными выбросами парниковых газов и их поглощением не позднее 2060 г.²⁶

5. Общее информационное пространство, присущее глобализации, создает условия для быстрого распространения знаний о последствиях антропогенной нагрузки на планету, смещает ценности от максимизации потребления к учету потребностей будущих поколений. Оно делает более доступным образование путем онлайн-возможностей, расширяет возможности просветительской деятельности, распространение новой экологической культуры. При этом образование и просветительская деятельность не только играют свою традиционную роль, но и выполняют трансформационные задачи — формируют новые ценности и способствуют критическому мышлению.

6. Концепция устойчивого развития представлена не только на макроуровне, но, как показано в монографии под ред. А.З. Бобылевой [Интеграция целей устойчивого развития в бизнес-стратегию компаний 2023, 24], глубоко проникла и на уровень компаний, реализуясь на основе не акционерной, а стейкхолдерской модели [Jensen 2002]. Авторы монографии убедительно показывают, что компании, реализующие принципы устойчивого развития, открывают новые возможности для бизнеса за счет инновационных зеленых технологий, рассматривают устойчивое развитие не как увеличение затрат, а как бизнес, создающий новые возможности путем поставки зеленых товаров и услуг, разработки экологически безопасных материалов и процессов, инвестиций в экологическую безопасность и получающий таким образом конкурентное преимущество, что обеспечивает зеленый рост.

7. Широкое распространение транснациональных корпораций (ТНК) привело к интеграции большинства стран в международную систему производства и торговли: уже в 2017 г. более 60% активов и торгового оборота ста крупнейших нефинансовых ТНК находились за границей,

²⁵ China, in Pointed Message to U.S., Tightens Its Climate Targets // New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/09/22/climate/china-emissions.html> (дата обращения: 07.02.2024).

²⁶ Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407782529/#review> (дата обращения: 04.01.2024).

почти 60% их сотрудников были иностранными гражданами по отношению к стране основной дислокации материнской компании [Чэн 2023, 34], что неизбежно способствует распространению зеленых технологий: развитые страны, где действуют строгие стандарты по допустимому уровню загрязнений, содержанию вредных веществ в воде, воздухе, продуктах питания, «тянут» за собой развивающиеся страны.

8. Произошло и продолжает развиваться вовлечение финансового рынка в устойчивое развитие. Создание международных институтов — Ассоциации ответственного инвестирования (PRI), Сети устойчивого банковского финансирования (SBN, затем SBFN), разработка новых финансовых инструментов, в частности зеленых облигаций, для привлечения капитала и инвестирования в проекты с экологическими преимуществами — все это является драйверами перехода к устойчивому развитию.

9. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) справедливо отмечает неоднозначность многих определений, в том числе разных дефиниций зеленых и устойчивых инвестиций, что делает термин «зеленое финансирование» спорным, допускает возможность «зеленого камуфляжа» (greenwashing). Поэтому в настоящее время активно ведется разработка нормативно-правовой базы рынка зеленых финансов и устойчивого развития. Значимым шагом здесь явились успехи в таксономии зеленых финансов — установлении пороговых значений, позволяющих определять, какие виды деятельности являются экологически безопасными, и на этой основе предоставлять компаниям доступ к зеленому финансированию, сокращать возможность субъективных суждений²⁷. Продолжение разработки основ правового регулирования, безусловно, служит драйвером устойчивого развития.

10. Драйвером устойчивости является и активное продолжение работы по унификации нефинансовой отчетности компаний, представлению ее в сравнимой стандартизированной форме. Если до недавнего времени компании даже в развитых странах при составлении нефинансовой отчетности могли руководствоваться разными стандартами и требованиями, то с марта 2021 г. страны ЕС подчиняются единым правилам представления ESG-информации: Sustainable Finance Disclosure Regulation (SFDR); идет работа и в ряде других стран. Развитие баз данных ESG, их сравнимость по компаниям и временным периодам сделают принимаемые решения более транспарентными, ориентированными на устойчивость, будут способствовать улучшению деловой репутации компании, привлекать инвесторов, делать ее более конкурентоспособной.

11. Пандемия COVID-19 является ярким примером условий, при которых общество может устанавливать и поддерживать жесткие ограничения, ведущие к изменению социально-экономических норм и профессиональной жизни в короткие сроки: ограничение передвижения и перевозок и снижение потребности в нефтепродуктах, сокращение работы в офисах и экономия потребления энергии, отказ от ряда товаров (например, постоянного обновления офисной одежды) и необязательных услуг. Эти примеры показывают, что релевантные меры государственного управления могут быстро мобилизовать общество, успешно направить переход к устойчивому развитию, сделать его безболезненным для населения, но пока происходящие глобальные трансформации не осознаны как реальная непосредственная угроза.

12. Участвовавшие в XXI веке кризисы и рецессии сами по себе можно рассматривать как драйверы перехода к устойчивому развитию: техногенные и природные катастрофы вызывают необходимость строительства более устойчивых конструкций, загрязнение воды и воздуха — более экологичного жилья, финансовые кризисы способствуют появлению современных зеленых финансовых инструментов, COVID-19 вынудил апробировать новые социальные нормы поведения.

²⁷ Financing a Sustainable European Economy. Technical Report // EU Technical Expert Group on Sustainable Finance [Электронный ресурс]. URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2020-03/200309-sustainable-finance-teg-final-report-taxonomy_en.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

Заключение

В исследовании глобализация и ее современное проявление — деглобализация — были рассмотрены как факторы, усиливающие тренды неустойчивости. Тем не менее было показано, что в современном мире присутствуют и положительные импульсы для устойчивого развития: происходит становление зеленой экономики; общее информационное пространство способствует распространению новой экологической культуры; на смену акционерной приходит стейкхолдерская модель управления компаниями; возможности использования зеленого финансирования стимулируют компании реализовывать зеленые проекты; совершенствование нормативно-правовой базы позволяет сделать движение к устойчивости более транспарентным; унификация нефинансовой отчетности все больше позволяет улучшить методологию составления рейтингов, объективно определять статистическими и эконометрическими методами влияние устойчивых проектов на финансовые результаты компаний, качество жизни населения.

Таким образом, несмотря на возможность торможения в отдельные периоды, устойчивое развитие является долгосрочным трендом функционирования нашей цивилизации, и наше дальнейшее исследование будет посвящено разработке управленческих решений для его поддержки в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Список литературы:

Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Кирюшин П.А. Крах глобальной модели потребления: в поисках устойчивости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 11. С. 92–100. DOI: [10.20542/0131-2227-2022-66-11-92-100](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-11-92-100)

Данилов-Данильян В.И. Глобальные климатические изменения и водные проблемы России и мира // *Век глобализации*. 2020. № 4(36). С. 65–78. DOI: [10.30884/vglob/2020.04.05](https://doi.org/10.30884/vglob/2020.04.05)

Институциональная трансформация экономики: человек и социум (ИТЭ-ЧС 2021): материалы VII Международной научной конференции / под общ. ред. Р.М. Нуреева, Е.В. Неходы (Чувакиной). Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021.

Интеграция целей устойчивого развития в бизнес-стратегию компаний / под ред. А.З. Бобылевой. Москва: РУСАЙНС, 2023.

Макаров В.Л., Агеев А.И., Бахтизин А.Р., Логинов Е.Л., Хабриев Б.Р. Экономический фундамент победы: стратегический прогноз устойчивости экономики России в условиях санкционных атак // *Экономические стратегии*. 2023. № 3(189). С. 6–15. DOI: [10.33917/es-3.189.2023.6-15](https://doi.org/10.33917/es-3.189.2023.6-15)

Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения // *Антология экономической классики: в 2-х томах* / под ред. И.А. Столярова. М.: Эконом, 1993. Т. 2. С. 5–136.

Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л. Пределы роста: 30 лет спустя. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014.

Международные отношения: грани настоящего и будущего / под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева, К.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой. М.: НП РСМД, 2023.

Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 10. Часть 1 / под ред. Ю.С. Пивоварова. М.: ИНИОН РАН, 2015.

Сбережение населения России: проблемы, задачи, пути решения / под ред. академика РАН Б.Н. Порфирьева. М.: Арт-Принт, 2022.

Чэн Э. Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, 2023.

Юлкин М.А. Низкоуглеродное развитие: от теории к практике. М.: АНО «ЦЭИ», 2018.

Bobylev S.N., Solovyeva S.V., Koshkina N.R. Sustainable Development, ESG and the “price” of health // Population and Economics. 2023. Vol. 7. Is. 3. P. 124–135. DOI: [10.3897/popecon.7.e103302](https://doi.org/10.3897/popecon.7.e103302)

Jensen M. Value Maximization, Stakeholder Theory, and the Corporate Objective Function // Business Ethics Quarterly. 2002. Vol. 12. Is. 2. P. 235–256. DOI: [10.2307/3857812](https://doi.org/10.2307/3857812)

Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Palgrave Macmillan, 1936.

Sheng C., Liu Y., Liu J. Multi-Level Governance and Competing Sustainability Aims: Politics of Renewable Energy Development and Nature Conservation in Changdao, China // Energy Research & Social Science. 2023. Vol. 97. DOI: [10.1016/j.erss.2023.103001](https://doi.org/10.1016/j.erss.2023.103001)

Shumpeter J. Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Berlin: Duncker & Humblot, 1911.

Solow R.M. Growth Theory: An Exposition. Oxford: Oxford University Press, 1970.

Xue L., Weng L., Yu. H. Addressing Policy Challenges in Implementing Sustainable Development Goals through an Adaptive Governance Approach: A View from Transitional China // Sustainable Development. 2018. Vol. 26. P. 150–158. DOI: [10.1002/sd.1726](https://doi.org/10.1002/sd.1726)

References:

Bobylev S.N., Solovyeva S.V., Kiryushin P.A. (2022) The Collapse of the Global Consumption Model: In Search of Sustainability. *Mirovaya ekonomika i mezdunarodnye otnoshenia*. Vol. 66. No. 11. P. 92–100. DOI: [10.20542/0131-2227-2022-66-11-92-100](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-11-92-100)

Bobylev S.N., Solovyeva S.V., Koshkina N.R. (2023) Sustainable Development, ESG and the “Price” of Health. *Population and Economics*. Vol. 7. Is. 3. P. 124–135. DOI: [10.3897/popecon.7.e103302](https://doi.org/10.3897/popecon.7.e103302)

Bobyleva A.Z. (ed.) (2023) *Integratsiya tseley ustoychivogo razvitiya v biznes-strategiyu kompaniy* [Integration of sustainable development goals into the business strategy of companies]. Moscow: RUSAYNS.

Cheng E. (2023) *Mirovaya obstanovka i kitayskaya ekonomika v novuyu epokhu* [The global situation and the Chinese economy in the new era]. Moscow: INIR im. S.YU. Vitte: Tsentrkatalog.

Danilov-Danyl'yan V.I. (2020) Global Climate Changes and Water Problems in Russia and the Worlds. *Vek globalizatsii*. No. 4(36). P. 65–78. DOI: [10.30884/vglob/2020.04.05](https://doi.org/10.30884/vglob/2020.04.05)

Ivanov I.S., Timofeyev I.N., Karpinskaya K.O., Solodukhina E.A., Gavrilova S.M. (eds.) (2023) *Mezhdunarodnyye otnosheniya: grani nastoyashchego i budushchego* [International relations: The edges of the present and the future] Moscow: NP RSMD.

Jensen M. (2002) Value Maximization, Stakeholder Theory, and the Corporate Objective Function. *Business Ethics Quarterly*. Vol. 12. Is. 2. P. 235–256. DOI: [10.2307/3857812](https://doi.org/10.2307/3857812)

Keynes J.M. (1936) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Palgrave Macmillan.

Makarov V.L., Ageev A.I., Bakhtizin A.R., Loginov E.L., Khabriev B.R. (2023) Economic Foundation of Victory: A Strategic Forecast for the Russian Economy Stability in the Face of Sanctions. *Ekonomicheskkiye strategii*. No. 3(189). P. 6–15. DOI: [10.33917/es-3.189.2023.6-15](https://doi.org/10.33917/es-3.189.2023.6-15)

Malthus T. (1993) An Essay on the Principle of Population. In: Stolyarov I.A. (ed.) *Antologiya ekonomicheskoy klassiki: v 2 tomakh*. Moscow: Ekonov. Vol. 2. P. 6–136.

Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. (2014) *Limits to Growth: The 30-Year Update*. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy.

Nureyev R.M., Nekhoda (Chuvakina) E.V. (eds.) (2021) *Institutsional'naya transformatsiya ekonomiki: chelovek i sotsium (IT-E-ChS 2021): materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Institutional transformation of the economy: Man and society (ITE-HS 2021): Proceedings of the VII international scientific conference]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.

Pivovarov Yu.S. (ed.) (2015) *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vyp. 10. Chast' 1* [Russia: Trends and prospects of development. The yearbook. Is. 10. Part 1]. Moscow: INION RAN.

Porfiriev B.N. (ed.) (2022) *Sberezheniye naseleniya Rossii: problemy, zadachi, puti resheniya* [Saving the Russia population: Problems, tasks, ways of solution]. Moscow: Artik Print.

Sheng C., Liu Y., Liu J. (2023) Multi-Level Governance and Competing Sustainability Aims: Politics of Renewable Energy Development and Nature Conservation in Changdao, China. *Energy Research & Social Science*. Vol. 97. DOI: [10.1016/j.erss.2023.103001](https://doi.org/10.1016/j.erss.2023.103001)

Shumpeter J. (1911) *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Berlin: Duncker & Humblot.

Solow R.M. (1970) *Growth Theory: An Exposition*. Oxford: Oxford University Press.

Xue L., Weng L., Yu. H. (2018) Addressing Policy Challenges in Implementing Sustainable Development Goals through an Adaptive Governance Approach: A View from Transitional China. *Sustainable Development*. Vol. 26. P. 150–158. DOI: [10.1002/sd.1726](https://doi.org/10.1002/sd.1726)

Yulkin M.A. (2018) *Nizkouglerodnoye razvitiye: ot teorii k praktike* [Low-carbon development: From theory to practice]. Moscow: ANO "TsEI".

Дата поступления/Received: 09.02.2024